

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ЕВРАЗИЯ — ДИАЛОГ КУЛЬТУР

МАТЕРИАЛЫ ДВАДЦАТЬ ВТОРЫХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Санкт-Петербург
2023

Е. Л. Кубель

Киргизское ковроткачество
рубежа XIX–XX веков в контексте
межкультурных влияний восточного
и западного Туркестана

Кубель Елена Леонидовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, научный сотрудник; elenakubel@yandex.ru

Ворсовым ковроделием занимались киргизы, проживающие в Ферганской долине, а также кочевавшие в пределах Восточного (Китайского) Туркестана. Со второй половины XIX в. в связи с ростом спроса рынка на изготовление постилочных ковров процесс превращения ковроделия в товарный промысел среди киргизов проходил быстрыми темпами. Организаторами производства ковров выступали богатые семьи, затем продукция поступала на рынки Андижана, Маргелана, Коканда. Среди потребителей ковровой продукции фиксировался высокий спрос на растительные мотивы, украшавшие изделия из Восточного Туркестана. Коммерческий спрос на киргизские ковры настолько вырос, что стало возможным сделать заказ у производителя с указаниями размера ковра и орнаментальных предпочтений заказчика. Анализ коврового собрания Российского этнографического музея позволяет предположить, что многообразие орнаментальных форм, свойственное изделиям работы киргизских ковровщиц, вызвано длительными историческими и культурными связями киргизов и других народов региона, в частности уйгуров – древнего населения оазисов Восточного Туркестана.

Ключевые слова: ковроткачество, орнамент, киргизы, уйгуры, Туркестан, Средняя Азия, инокультурные заимствования, Российский этнографический музей.

Ворсовым ковроделием традиционно занимались киргизы родоплеменного объединения *ичкилик* и племенных групп *басыз*, *мундуз*, *адигине*, *мунгуш*, часть племен *кутчу*, *багыш* и *саруу*, проживающих в Ферганской долине¹. Ковры ткали женщины, удовлетворяя нужды семьи. В ворсовой технике выполнялись в основном мелкие ковровые изделия (разнообразные сумки, чехлы и емкости для хранения вещей и небольших бытовых предметов), которые могли быть вытканы в течение короткого срока пребывания семьи на летней стоянке. Для покрытия пола в юрте женщины изготавливали большие войлочные и гладкотканые ковры.

После присоединения Средней Азии к России и образования Туркестанского генерал-губернаторства (1867) стал расти спрос на ковровую продукцию. Высокое мастерство в ковроткачестве, умение оперативно реагировать на запросы рынка позволили киргизским коврощицам расширить ассортимент продукции за счет производства постилочных ворсовых ковров, пользовавшихся наибольшей популярностью. Организаторами процесса выступали богатые семьи. К.И. Антипина, ссылаясь на своих информантов, родившихся в последней трети XIX в., писала: «Особенно большое ковровое производство было у бая Солтона. Его жена собирала женщин, которые трудились над изготовлением больших ковров. Среди них проводилось полное разделение труда. Часть ткала ковры, сидя за станками, другие занимались подготовкой шерсти (пряжение, крашение), несколько женщин готовили пищу»². Отдельные мастерицы также изготавливали ковры на заказ. В этом случае материалом их обеспечивал заказчик. По существующей традиции заказанные ковры предназначались для подношения в качестве подарка знатным лицам. Производством ковров занимались в летнее время и осенью; перекупщики отвозили их на рынки Андижана, Маргелана, Коканда. Основными потребителями киргизских ковров были местные оседлые жители (узбеки, таджики), а также киргизы из северных и центральных районов Киргизии, которые меняли ковровые изделия на скот. В связи с увеличением объема продукции для продажи существенно расширился набор орнаментальных мотивов в арсенале мастериц. Это отмечал С.М. Дудин, побывавший в Алайской долине в 1901 г. и имевший возможность сравнить образцы виденных им старых ковров киргизской работы с новыми: «В орнаментике же заметно сильное влияние новейших аксуйских (Аксу – город в Восточном Туркестане. – Е.К.) и хотанских ковров, в большом количестве привозимых из Кашгара»³.

Анализ собрания ковров РЭМ позволяет уточнить и конкретизировать это наблюдение. Орнаментика уйгурских ковров конца XIX – начала XX в. демонстрирует многообразие вариантов: геометрические, растительные и геометрическо-растительные. Наиболее широко представлены цветочные композиции – розетки, выходящие стебли с плодами и листьями, кусты, композиции с вазами⁴. Эти же мотивы присутствуют на коврах для молитвы *джайнамаз*, производство которых получило особое развитие с конца XIX в.⁵ В декоре ковров встречаются и китайские мотивы⁶. Хотанский оазис был центром коврового производства Восточного Туркестана. В 1889 и 1890 гг. еженедельно на городском базаре продавалось до 100 ковров⁷; до 5000 ковров вывозилось ежегодно⁸, и значительное место в этой торговле занимала Россия (в основном Туркестанский край и Семипалатинская обл.).

Изменения в орнаментике киргизских ковров, отмеченные С. М. Дудиным, объясняются несколькими факторами. Киргизы были связаны длительными историческими и культурными связями с уйгурами – основным населением Восточного (Китайского) Туркестана. Они были их непосредственными соседями по обе стороны границы, которая не представляла собой препятствия для свободного передвижения. В новых исторических условиях, при расширении коврового рынка, киргизы довольно быстро отреагировали на изменившиеся вкусы и моду на растительные орнаментальные мотивы, характерные для ковровых изделий⁹. В результате коммерческий спрос на киргизские ковры настолько вырос, что стало возможным делать заказ у производителя с указаниями конкретных размеров ковра и орнаментальных предпочтений заказчика¹⁰.

Процесс изменения орнаментального стиля в киргизском ковроткачестве можно проследить на примере приобретенных С. М. Дудиным в 1902 г. на базаре в Коканде двух ковров: «старой работы» и нового. Центральное поле первого ковра¹¹ занято восьмиугольными медальонами, в которые вписана крестовидная фигура с ромбом в центре и отходящими от него лучами. Вспомогательные фигуры центрального поля также вполне традиционны для киргизской орнаментаики – ромбы с крючками («рогами»); геометрические мотивы украшают также и бордюры центрального поля. На ковре более позднего времени геометрические узоры по-прежнему доминируют, но появляются и новые мотивы, например, многолепестковые растительные розетки на концах лучей, небольшие растительные розетки в бордюре¹². Растительные розетки включали также в качестве главного элемента в традиционную для киргизов сетчатую ком-

позицию центрального поля¹³; популярность получил типичный для уйгурских ковров узор в виде трех цветков на одном стебле¹⁴. Кроме того, в это время киргизские ковровщицы стали использовать в основе ковров хлопчатобумажные нити, что являлось восточно-туркестанской традицией. Такие ковры шли на продажу, для себя же продолжали ткать из шерсти.

Работая над композицией постилочного ковра, киргизские мастерицы опирались и на опыт изготовления узорных войлоков, циновок и паласов. Так, композиция центрального поля одного из ковров в собрании РЭМ¹⁵ основана на традиции украшения циновок, которые киргизы издавна плели из *чийа* (тростника) и использовали для утепления юрты, украшения ее стен, а также как ширму, отделяющую женскую часть от мужской¹⁶.

Следует отметить, что еще в начале XX в. сохранялись различия по качеству и орнаменту между коврами, производившимися киргизами «для себя» и на продажу. В 1920-х гг., как показывают материалы РЭМ, все чаще в орнаментах ковровых изделий стали соединяться традиционные (геометрические) и новые (растительные) элементы, создавая особый геометризованный растительный стиль¹⁷, который постепенно и самими киргизами стал восприниматься как «свой». Коврики, орнаментированные в таком стиле, уже в 1940-х гг. стали типичным украшением и юрты, и стационарного киргизского дома.

¹ Антипина К. И. Ворсовое ткачество // Тр. Киргиз. археол. – этногр. экспед. М.: Наука, 1968. Т. V. С. 59; Абрамзон С. М. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области КНР // Тр. Киргиз. археол. – этногр. экспед. М.: Изд-во АН ССР, 1959. Т. II. С. 363–364.

² Антипина К. И.. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. С. 69.

³ Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Т. Г. Емельяненко. М.: Фонд Марджани, 2021. С. 517.

⁴ См.: РЭМ, кол. 16–192; 1045–3,5,10.

⁵ См.: РЭМ, кол. 16–205; 1045–11.

⁶ См.: РЭМ, кол. 16–203; 1045–2,9.

⁷ Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кунь Лунь (1889–1890). Л.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1949. С. 93.

⁸ Исмаилова-Мамедова Э. Ковры уйгуров: Сб. ст. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 150.

⁹ Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в. Ташкент: Фан, 1970. С. 87.

¹⁰ Там же.

- ¹¹ РЭМ, КОЛ. 34–28.
¹² РЭМ, КОЛ.34–32.
¹³ РЭМ, КОЛ. 14–38.
¹⁴ РЭМ, КОЛ. 34–37.
¹⁵ РЭМ, КОЛ. 13128–1.
¹⁶ РЭМ, КОЛ. 14–6.
¹⁷ РЭМ, КОЛ.6371–1,4.

UDC 745; 522.2

E. L. Kubel

The Kyrgyz Carpet Weaving in the Context of the Eastern and Western Parts of Turkestan's Intercultural Influences at the Turn of the 19th–20th Centuries

Kubel Elena Leonidovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, research fellow; elenakubel@yandex.ru

The Kyrgyz people living in the Fergana Valley, as well as those who wandered the Eastern (Chinese) Turkestan region, were equally engaged in pile carpet making. Since the second half of the 19th century, due to the growing demand on the market for the manufacture of bedding carpets, the process of turning carpet-making into a commercial trade among the Kyrgyz people happened at a rapid pace. The organizers of the process were rich families; the products were delivered to the markets of Andijan, Margilan, Kokand. Among consumers of the carpet products, there was a high demand for plant motifs that decorated products from East Turkestan. The commercial demand for the Kyrgyz carpets has grown so much that it has become possible to place an order from the manufacturer with instructions on the size of the carpet and the ornamental preferences of the customer. The analysis of the carpet collection of the museum suggests that the variety of ornamental forms inherent to the products by the Kyrgyz carpet makers is defined by the long historical and cultural ties of the Kyrgyz and other peoples of the region, in particular, the Uighurs – the ancient population of the oases of East Turkestan.

Keywords: carpet weaving, ornament, the Kyrgyz people, the Uighurs, Turkestan, Central Asia, The Russian Museum of Ethnography.

Министерство культуры Российской Федерации
Российский этнографический музей

ВЕЩЬ В ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

Материалы Семнадцатых Международных
Санкт-Петербургских этнографических чтений

Санкт-Петербург
2018

Е. Л. Кубель

Экспонирование этнографических материалов
в музеях Мангистауской обл. Республики
Казахстан (по материалам экспедиционной
поездки в августе 2018 г.)

Кубель Елена Леонидовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Средней Азии, Казахстана, научный сотрудник; elenakubel@yandex.ru

В августе 2018 г., Мангистауским музеем-заповедником в рамках государственной программы «Рухани жанғыру» («Нематериальное культурное наследие») была организована этнографическая экспедиция в Мангистаускую обл. Республики Казахстан, в которой принимала участие автор данного сообщения. Задача исследовательского проекта состояла в том, чтобы, опираясь на сведения Р. Карутца, проследить преемственность традиционной культуры казахов рода Адай (основное население Мангистауской обл.). Источниковой базой исследования стали экспозиции областных музеев как хранителей исторической памяти и трансляторов этничности. Этнографический материал, представленный в музеях, способствует аккумуляции научной информации о казахской традиционной культуре, формирует ее образы, высвечивает особенности западноказахстанского/адаевского предметного комплекса. Предметный мир туркмен, татар, славянского населения представлен в музеях намного скромнее и зачастую экспонируется в контексте комплексов казахской культуры, что отражает, с одной стороны, культурную диффузию в полиэтничных областях, с другой — современную тенденцию в национальной политике государства, связанную с приоритетом общенационального по отношению к этническому. Примером новаторских поисков в области актуализации нематериального наследия казахов музейными средствами является музей им. Серикбола Кодыбая, где визуализированы основные символы казахской культуры в контексте интерпретации древнейших мифологических сюжетов.

Появление частных музеев свидетельствует о возрастании интереса к традиционным ценностям как прочной основе культурной идентичности населения Мангыстауской обл.

Ключевые слова: Казахстан, Мангыстауская обл., музеи, программа «Рухани жаңғыру», этнографические экспозиции, Рихард Карутц.

В августе 2018 г., Мангыстауским музеем-заповедником в рамках государственной программы «Рухани жаңғыру» («Нематериальное культурное наследие») была организована этнографическая экспедиция в Мангыстаускую обл. Республики Казахстан, в которой принимала участие автор данного доклада. Одним из ее исследовательских направлений стал проект «По следам Рихарда Карутца. 100 лет спустя». Р. Карутц — немецкий этнограф, автор труда «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке», созданного в начале XX в. на основе материалов, полученных в результате предпринятых им экспедиционных поездок¹.

Задача исследовательского проекта состояла в том, чтобы, опираясь на сведения Р. Карутца, проследить преемственность традиционной культуры казахов рода Адай (основное население Мангыстауской обл.). Источниковой базой исследования стали экспозиции областных музеев, являющихся хранителями исторической памяти и трансляторами этничности, влияющими на самосознание носителей традиции сегодняшнего дня.

В г. Актау находится крупнейший в области историко-краеведческий музей, основанный в 1975 г. Его собрание включает коллекции по истории, археологии, этнографии и природоведению. Музей имеет два филиала: в г. Жанаозене (открыт в 1995 г.) и в пос. Шетпе (открыт в 1998 г.). Вторым по значимости музеем области является этнографический музей в г. Форт-Шевченко, получивший в 1981 г. статус республиканского, в фондах которого хранится обширный материал по традиционной культуре народов региона. Кроме вышеуказанного филиала краеведческого музея, в г. Жанаозене работает «Музей природы Устюрта», открытый в 1984 г.; его собрание также включает этнографические материалы. В 2015 г. в пос. Шетпе был открыт мемориальный музей имени Серикбола Кондыбая — мифолога, лингвиста, этнографа, предложившего новые трактовки духовного наследия казахов в области мифологии и других жанров устного народного творчества.

Для анализа роли музеев в поддержании как казахской, так и этнолокальной («адаевцы», «жители Мангыстау», «западные казахи») идентичности мы обратились к трем разным по статусу и характеру экспозициям музеев: в г. Форт-Шевченко, в пос. Шетпе и в пос. Шаир.

Формирование этнографических фондов музеев области происходило благодаря местным жителям, передававшим хранившиеся в семьях вещи. В настоящее время коллекции музеев пополняются, в том числе и предметами современного производства, выполненными в традиционном стиле: образцами ткачества, ювелирными украшениями, предметами одежды.

В экспозиционной структуре краеведческих музеев этнографическая тематика составляет неотъемлемую часть историко-бытового раздела. Степень полноты раскрытия той или иной темы зависит от наличия в собрании соответствующих вещевых памятников. Поэтому в музеях прежде всего представлены темы «Одежда», «Украшения», «Инструменты ремесленников», «Юрта» (чаще всего экспонируется частично). Наиболее полно традиционная культура населения Мангышлака представлена в специализированном этнографическом музее г. Форт-Шевченко, где имеется три основных раздела: «Казахский», «Туркменский» и «Русский», репрезентирующих этническую ситуацию начала XX в., получившую отражение в труде Р. Карутца². Любопытно, что фигура самого Карутца почти в каждом музее Мангышлака составляет предмет особого внимания, а фотографии и рисунки из его книги образуют определенный тематический комплекс.

В каждом разделе представлены экспонаты, характеризующие основные занятия, домашние промыслы и ремесла, традиционное жилище, костюм, обрядовую сферу. Показательно, что предметный ряд в «этнических» разделах может содержать вещи инокультурного происхождения, что отражает взаимовлияние культурных традиций в полиэтничных регионах, к которым можно отнести территорию п-ва Мангышлак. Так, казахские тканые изделия экспонируются рядом с туркменскими ворсовыми изделиями, интерьерные сцены включают популярную медно-чеканную утварь узбекских мастеров; в зале с интерьером комнаты русских переселенцев также демонстрируются туркменские ковровые изделия и вышивки. Сегодня в отсутствие на Мангышлаке туркменского населения, которое в постсоветский период переселилось в Туркмению, культурное наследие этого народа благодаря музейным экспозициям может быть «спасено» как особый феномен, но иногда оно «присваивается» казахами, благодаря музейной практике. Этому способствует отсутствие в музейных залах пояснительных текстов, в этикетаже — указания этнической принадлежности, что ориентирует посетителя на восприятие представленных вещей не столько в аспекте этнической, сколько локальной специфики казахской традиционной культуры Мангышлака. Тем самым музей поддерживает актуальный для

современного Казахстана дискурс о единой нации при разнообразии ее культурных составляющих.

Эта тема приобрела актуальность после публикации статьи главы государства Н. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» (апрель 2017 г.). В концептуальном разделе программы «О национальном сознании в XXI в.» представлены шесть направлений модернизации сознания как общества в целом, так и каждого казахстанца. Первое направление — конкурентоспособность; второе — прагматизм; третье — национальная идентичность. Модернизация сознания предполагает сохранение и укрепление национального духа; четвертое — культ знания; пятое — эволюционное, а не революционное развитие; шестое — открытость сознания. Во втором разделе статьи президентом был инициирован ряд практических проектов, которые охватывают ключевые сферы общественного сознания казахстанского общества³.

Непосредственно к деятельности казахстанских музеев имеют отношение два проекта: «Туған жер» («Родная земля»), предполагающий краеведческую работу, изучение региональной истории, разные формы поддержки малой родины, и «Сакральная география Казахстана», который должен закрепить в сознании народа духовные святыни, образующие каркас национальной идентичности⁴. Следует подчеркнуть, что главой государства понятие национальной идентичности по своему формально-правовому статусу приравнивается к казахстанской идентичности как идентичности всех граждан Казахстана⁵. Казахские культурологи, занимающиеся этими вопросами, констатируют, что Казахстан является многонациональным государством, подчеркивают: «Казахстан относится к числу тех постсоветских государств, которым успешно удастся разрешать противоречие этнической и гражданской идентичностей. В основе этого успеха лежит то, что государственной власти в Казахстане удается сохранять и поддерживать баланс между этнической и гражданской идентичностями. В этом состоит главная цель национальной политики государства»⁶. Проводниками данной идеологии являются музеи как государственные учреждения. На основе статьи Н. Назарбаева была разработана программа «Рухани жаңғыру» («Нематериальное культурное наследие»), в которой в той или иной степени участвуют все музеи области, работая по нескольким направлениям. Так, раздел «Введение» экспозиции каждого музея обязательно дополняется специальными стендами с фотографиями и текстами, посвященными этой тематике; обзорные экскурсии дополняются основными положениями программы, которые иллюстрируются актуальными примерами. В музеях набирает популярность формат встречи школьников с людьми старшего поколения, рассказываю-

щими о традиционных занятиях и демонстрирующими практики, с ними связанные. В программе также принимают участие служащие государственных и бюджетных учреждений. Одной из форм их участия является посещение музеев.

Ярким событием в культурной жизни Казахстана стало открытие в 2015 г. в пос. Шетпе мемориального музея имени Серикбола Кондыбая, экспозиционное пространство которого демонстрирует новаторские подходы в репрезентации наследия казахов в сфере духовной культуры. Ввиду известной сложности восприятия основной тематики музея, а именно мифологии как формы знания, самостоятельный просмотр не предусмотрен, его заменяет экскурсионное обслуживание. Вполне очевидно, что без поддержки на государственном уровне этот проект не получил бы столь впечатляющей реализации. Музей посвящен памяти исследователя мифологии казахов, который выдвинул ряд смелых гипотез о ее истоках, дал интерпретацию сюжетов и текстов. С. Кондыбай (1968–2004), получивший образование геоморфолога, оказался прикованным к постели вследствие несчастного случая, однако смог реализовать себя как многоплановый ученый. Он написал ряд работ, из которых на русский язык переведен четырехтомник «Мифология древних казахов», «Гиперборея: история эпохи сновидений» и «Казахская степь и германские божества». Экспозиция музея отражает переплетение двух феноменов духовного наследия Казахстана: один из них сам Кондыбай, второй — раскрытый им мир архетипов казахской культуры. В соответствии с этим на первом этаже развернут раздел «Феномен Серикбола Кондыбая», насыщенный фотографиями и документами, его книгами на разных языках. Чувство сопричастности судьбе мыслителя вызывает сцена, воссоздающая интерьер комнаты с его личными вещами. В ходе экскурсионного маршрута раскрывается «словарь» мифологических сюжетов с толкованием их контекста, демонстрируются схемы к лингвистическим построениям автора, обратившегося к познанию мифологии посредством языка. С помощью образных средств посетитель постигает понятие духовного центра, числовую символику, сакральные аспекты древней металлургии, знаковость стихий, в том числе огня, календарную и астрономическую мифологию, представления о божественных покровителях.

На втором этаже в отдельном экспозиционном пространстве разворачиваются сцены-декорации к мифологической системе, реконструированной Кондыбаем. Посетители словно мифологические герои «проходят» через все уровни мироздания: подземный, земной, небесный, «участвуют» в коллизиях сюжетов казахских сказок и мифов. Подобный экспозиционный прием не оставляет равнодушным

никого: для взрослых интересно философское осмысление увиденного, а маленькие посетители попадают непосредственно в пространство сказки. Воздействие на эмоциональном уровне, несомненно, способствует формированию у посетителя-казаха чувства сопричастности к истокам этнической традиции, а у носителя иной идентичности пробуждает интерес к познанию «другого», а также осмыслению универсальности большинства архетипов традиционной культуры в широком смысле. В разрезе задач экспедиционного исследования важно было зафиксировать возможности музея в создании образов этнической культуры и их непротиворечивого соотнесения с окружающим миром.

В Мангистауской обл. наряду с государственными и ведомственными существуют и домашние частные музеи. Поскольку сельскому сообществу они известны, можно рассматривать эти собрания, как составляющую в общем процессе трансляции этничности. Подобная коллекция представлена в пос. Шаир в доме Акшагуль Рамазановой — обладательницы внушительного собрания этнографических предметов. Следует отметить, что во многих семьях женщины старшего поколения хранят вещи, которые уже вышли из употребления, в основном одежду и утварь, но при этом они не претендуют на формат музея. А. Рамазанова, напротив, позиционирует свою коллекцию как частный музей и мечтает об обретении им статуса государственного.

А. Рамазанова родилась в 1953 г. в казахской семье в Таджикистане, затем переехала с родителями в Узбекистан, где окончила школу и пединститут, там же вышла замуж за своего одноклассника-казаха. В Мангистаускую обл. Акшагуль-апа, будучи адаевкой, приехала с семьей несколько лет назад. По ее словам, она довольно рано — с пятнадцати лет — почувствовала интерес к казахской культуре, тогда же стала собирать коллекцию. Вполне вероятно, что этот интерес был инициирован иноэтничным окружением, в котором оказалась семья Акшагуль. Принцип, положенный ею в основу отбора вещей для коллекции, довольно прост: «Я собираю наши (казахские. — *Е.К.*) вещи». Как следствие, коллекция тематически разнообразна и включает предметы костюма, украшения, предметы убранства юрты (войлоки, ворсовые ковры, полосы для крепления юрты, сумки для хранения вещей, деревянные подголовники), деревянную и металлическую утварь, части конского снаряжения. Хронологические рамки коллекции весьма широки: шедевры народного искусства XIX в. соседствуют с современными вещами, причем культурная значимость тех и других для собирательницы в ряде аспектов одинакова. В группу современных предметов входят изделия самой Рамазановой, которые она исполь-

зует во время торжеств для одаривания старших женщин дома, обладающих высоким социальным статусом. Следует подчеркнуть, что А. Рамзанова владеет не только разными технологиями текстильного производства, но и глубоким знанием традиций их бытования. Поэтому роль таких мастериц в передаче этнической традиции трудно переоценить.

При анализе этой коллекции нетрудно заметить, насколько характерны для казахского быта вещи инокультурного происхождения, например, металлический сосуд для воды хивинского производства, туркменские ковры и торбы, шелковые женские пояса работы узбекских ткачей из Хорезма. Эти вещи владельцам настолько привычны, что воспринимаются ими как «свои» в этнографическом смысле.

В заключение отметим, что историко-культурные музеи Мангистауской обл. играют крайне важную роль в поддержании культурной идентичности этнолокальной группы казахов-адаевцев. Этнографический материал, представленный в музеях, способствует аккумуляции научной информации о казахской традиционной культуре, формирует ее образы, высвечивает особенности западноказахстанского/адаевского предметного комплекса, который маркируют искусная резьба по кости и камню, особый «геометрический» стиль женских украшений, вышитый орнамент на женских головных платках, седла с тонкой высокой головкой на передней луке, декорированной костяными накладками и др. Предметный мир туркмен, татар, славянского населения представлен в музеях намного скромнее и зачастую экспонируется не дифференцировано, в контексте комплексов казахской культуры, что отражает, с одной стороны, культурную диффузию в полиэтничных областях, с другой — современную тенденцию в национальной политике государства, связанную с приоритетом общенационального казахстанского по отношению к этническому.

Примером новаторских поисков в области актуализации нематериального наследия казахов с помощью музейных средств является музей имени Серикбола Кодыбая, где визуализированы основные символы казахской культуры в контексте интерпретации древнейших мифологических сюжетов.

Появление частных музеев и этноаулов свидетельствует о возрастании интереса к традиционным ценностям как прочной основе культурной идентичности населения Мангистауской обл.

---

¹ Карутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. СПб., 1911.

² Там же. С. 5.

³ url: <http://www.matritca.kz/news/54514-prezidentskaya-programma-ruhani-zhayru-eto-novyy-etap-v-istoricheskom-razvitii-sovremennogo-kazahstana.html>.
последнее посещение сайта: 28.09.2018

⁴ Там же.

⁵ Кадыржанов Р. Национальная идентичность Казахстана и этнокультурный символизм // Мысль. 2012. Октябрь. № 13.

⁶ Кадыржанов Р. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. Алматы, 2014. С. 9.

UDC 069(091)

E. L. Kubel

The Ways of Ethnographic Materials'
Representation in Museums of the Mangystau Region
of the Republic of Kazakhstan (Based On the Results
of the Expedition Trip in August 2018)

Kubel Elena Leonidovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Central Asia and Kazakhstan, research fellow; elenakubel@yandex.ru

In August 2018, the Mangystau Museum-Reserve under the state program of Ruhani Zagyr (Intangible Cultural Heritage) organized an ethnographic expedition to the Mangystau region of the Republic of Kazakhstan, in which the author of this paper participated. The objective of the research project was to trace continuity in traditional culture of the Kazakhs of the Adai lineage — the main population of Mangystau Oblast basing on the evidence of P. Karuts. The material base of research was the permanent exhibitions of regional museums in their capacity of historical memories' repositories and ethnicity translators. Ethnographic material presented in museums contributes to accumulation of scientific information about the Kazakh traditional culture, forms its images, and highlights the features of the West Kazakhstan / Adaev objective complex. In much lesser degree on the museum permanent exhibitions the material world of Turkmen, Tatar, and Slavic population is presented, and it is frequently displayed in the context of Kazakh culture complexes, which reflects, on the one hand, cultural diffusion in polyethnic areas, and, on the other hand, the current trend in the state national policy towards the priority of the common national principle over that of ethnicity. An example of innovative searches in the field of actualization of the intangible heritage of the Kazakhs by museum means is the Serikbol Kodybay Museum where the main symbols of Kazakh culture are visualized in the context of the interpretation of the most ancient mythological scenes. The emer-

gence of private museums testifies to the increasing interest in traditional values as a solid basis for the cultural identity of the population of the Mangystau region.

Key words: Kazakhstan, Mangystau region, museums, Ruhani zagyr program, ethnographic expositions, Richard Karuts.